

Жити любви

РОМАНЫ
ТАТЬЯНЫ ТРОНИНОЙ

ЦИКЛ
НОВАЯ ЮНОСТЬ

ИМЯ НА СОЛНЦЕ
ХРУПКОЕ ЗАВТРА
ВРЕМЯ, ПРОСТИ!

М а т ь я н а
Т Р О Н И Н А

Ц М Я Н А С О Л Н Ц Е

МОСКВА

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т73

Редактор серии *Полина Корицкая*

Художественное оформление серии *Елены Куликовой*

Тронина, Татьяна Михайловна.

Т73 **Имя на солнце : роман / Татьяна Тронина. —**
Москва : Эксмо, 2026. — 352 с.

ISBN 978-5-04-231904-4

Вы испытываете сожаления, вспоминая свое прошлое?
А хотели бы изменить его?

У Алены, обычной женщины, появляется шанс исправить собственную жизнь и вновь обрести юность. А еще она может спасти того, кого когда-то безответно и тайно любила... Ответит ли он теперь на ее чувства? И что же делать с новым поклонником?

Выбор — это всегда сложно. Особенно если приходится выбирать между сердцем и рассудком.

Первая книга цикла «Новая юность»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-231904-4

© Тронина Т., 2026
© Оформление. 000 «Издательство
«Эксмо», 2026

Я четко запомнила тот момент, с которого началась эта невероятная история. Правда, тогда я еще не догадывалась, что скоро мне предстоит отправиться в прошлое, чтобы спасти там человека, который с детства занимал все мои мысли.

В марте мы все, бывшие одноклассники выпуска 1979 года, решили встретиться. Сорок шесть лет прошло после школы! На круглую дату в прошлом году мы не смогли прийти в полном составе, зато в этом нас всех оставшихся собрал у себя на даче Николай Дельмас (ударение на последнем слоге, это французская фамилия). Он спросил меня, когда показывал мне свой зимний сад, помню ли я его старшего брата Артура?

А я ответила:

— Коля, я не просто его помню, я вообще очень часто о нем вспоминаю. Если честно, то я была в него влюблена. Знаешь, такой глупой, безответной, девчачьей любовью...

Николай вдруг растерялся — черты его лица словно поплыли, размазались, взгляд тоже расфокусировался — как будто я исчезла, и мой бывший одноклассник

смотрел теперь сквозь меня куда-то далеко в прошлое. Вот именно тогда все и началось, с этого неслышного «щелчка» в голове Николая, когда он заметил в своем прошлом и меня тоже. Как будто переместил меня туда. Но я это уже позже поняла...

— Алена, но ты никогда не говорила об этом, — вырвалось у него.

— О том, что влюблена в Артура? А должна была разве? — удивилась я. — Да ты и не спрашивал никогда. Ты вообще о нем не говорил, ну а мне как-то неудобно... Зачем беречь тебе раны.

— Это так неожиданно... Сорок шесть лет спустя я вдруг узнаю, что ты любила моего брата!

— А я должна была тебе сразу доложиться? — засмеялась я. — Ты странный! Я же говорю, то мое состояние — обычная девчачья влюбленность. Все ли о них рассказывают? Да и с чего бы я вдруг стала тебе исповедоваться? Тогда, давно, признаваться в своем равнодушии к Артуру — как-то неловко. Потом, позже — мы с тобой и не встречались вот так, как сейчас, практически наедине. Помню еще, одноклассники назначали встречи, но то я их пропускала, то ты. Да и нечасто эти встречи происходили, класс-то наш не такой уж и сплоченный. И смысл мне говорить о несбывшемся тебе или кому-то еще?! Ну вот как-то внутри все остается... Поначалу живешь с этим ощущением влюбленности, а потом оно с течением времени превращается словно в облако, во что-то очень эфемерное. И думаешь — а существовало ли оно вообще? Или пригрезилось? Артур ушел из жизни тогда же, сорок шесть лет

назад, и все внутри меня словно запечаталось... Короче, я не знаю, как это объяснить — мое молчание, в смысле.

— Скажи мне, Алена Кирюшина, моя дорогая подруга... Артур был в курсе, что ты в него влюблена? — чеканя слова, с жадным любопытством спросил Николай.

— Откуда?! Да в него все девчонки были влюблены, мне кажется, — ответила я. — И потом, эта его девушка...

— Валерия.

— Да, точно, Валерия! — вспомнила я. — Лера-холера, точно-точно, я слышала, ее так Бабаня называла.

— Кто?

— Ты сам ничего не помнишь! — засмеялась я. — Это соседка по дому, из первого подъезда. Вы жили в третьем подъезде, а мы с мамой в четвертом. Моя бабушка Муся и Бабаня — подруги, они обе из Кострова, после войны и эвакуации оказались тут, в Москве, в одном доме, нашем. Кстати, покойный сын Бабани, Володя, и моя мама...

— Ты погоди... Прости, что перебиваю. У меня в голове все смешалось, — нервно произнес Николай. — Артур ведь не просто умер, он погиб. Его убили!

— Да, все так, — послушно согласилась я. — Страшная история, непонятная. И вот в том числе и поэтому не хотелось об Артуре говорить, вдруг это вызовет у тебя боль. А сейчас ты меня сам спросил прямо — помню ли я Артура? Помню. — Я постаралась вежливо улыбнуться.

— Наверное, его только ты и помнишь. И еще я помню, конечно, — с тоской произнес Николай. — Больше никому. А ведь Артур был самым настоящим гением. Все

его преподаватели так говорили. Только они тоже все давно умерли! Но моему брату тогда прочили невероятное будущее. Кто знает, если бы Артур остался жив, то он, возможно, уже стал бы нобелевским лауреатом.

— Да, очень-очень жаль, что с ним все так произошло, — согласилась я. — Нелепо. Жестоко!

Мы некоторое время молчали, уставившись друг на друга поверх цветочных листьев, словно находились сейчас в джунглях. Николай выглядел очень хорошо для своих шестидесяти трех лет — пусть и седой весь, и морщинки на лице, но достаточно подтянутый, бодрый. Без животика, характерного для мужчин его возраста. Ну, оно и понятно — он никогда не пил и не курил вообще. А его жена Наташа, как поняла, следила за питанием всей семьи. У Николая с Наташей было трое взрослых сыновей, все как на подбор красавцы, их портреты висели на одной из стен дачи.

Дача — не роскошный особняк, нет, но, насколько я могла судить, — хорошая, крепкая дача, построенная очень давно, в середине двадцатого века. Наверное, ее уже можно было назвать старинной.

Николай заказал для нас, бывших одноклассников, специальный микроавтобус, что-то вроде «маршрутки», какие раньше были. А называется «Газель»! На ней нас сюда привезли, на ней же и развезти обещали — ведь до пригорода не всем удобно добираться. Да и возраст сюда прибывших... Мне хозяин уделил чуть больше внимания, чем остальным гостям, затащил в этот зимний сад для отдельного разговора, ведь мы с Николаем не только одноклассники, но и жили когда-то в одном доме.

...Закуску на дачу доставила кейтеринговая служба — очень вкусные салаты, горячее, на десерт жена Николая обещала торт, который делала сама «из настоящего сливочного масла», как сообщила она всем с тихой гордостью. Очень милая женщина. Я ее видела несколько раз раньше, она неизменно присутствовала рядом с Николаем, они оба — как попугайчики-неразлучники, даже на встречах бывших одноклассников вечно вместе, хотя жена Наташа всем нам, здесь собравшимся, и не одноклассница.

Нас, бывших, осталось немного. Посчитали при встрече — всего двенадцать человек; где еще пять выпускников — никто не знает, то ли живы, то ли разъехались по разным уголкам страны и земного шара. Остальные уже умерли. А было в два с половиной раза больше... Но «святые девяностые» и пандемия не пощадили наш класс.

— Ты работаешь? — спросила я Николая, прислушиваясь к голосам в соседних комнатах. Гости смеялись, переговаривались громко, ахали иногда — наверное, когда делились новостями.

— Да, мне еще год с небольшим до пенсии, — ответил он. — Но это ничего не значит, буду и дальше работать. А ты?

— Так я уже давно на пенсии... Если помнишь, я библиотекарь, всю жизнь с книгами.

— Непонятное время. Женщинам нашего года рождения повезло, они не попали под новые законы о пенсии, мужчинам — нет. Это переходный период, когда каждый год разный для женщин и мужчин, — усмехнулся Нико-

лай. — В одном году одни выходят на пенсию, в другом — другие... Потом-то уже наступит единообразие, женщины пойдут с шестидесяти лет на пенсию, мужчины с шестидесяти пяти... если только не повысят возраст еще раз. Но нет, я не жалуясь, я... Да я даже не знаю, о чем я. А я технарь, инженер, нужная профессия. Нарасхват сейчас.

— Ты тоже гений.

— Алена, не льсти мне, — засмеялся Николай. — Гением был Артур, а я так, способный, да и только.

— Коля! Коля, ты где? — послышался голос Наташи.

Мы вернулись в гостиную, там уже почти все собрались за столом, явились со двора Камынин и Абросимов — они любовались видами вокруг дачи.

Праздничный стол, ни одной бутылки крепкого алкоголя, только вино.

Но и от вина большая часть присутствующих отказалась — мало уже кому было можно пить. Думаю, не все являлись такими сознательными, но Николай нас с самого начала предупредил, что в нашем возрасте уже надо сдерживаться, это раз, а еще мы не для того собираемся — это два. Кто хочет напиться — пусть собираются где-то отдельно.

Наша встреча не для возлияний, она про воспоминания о прошлом. Николай — строгий, правильный. Не командир, нет, но именно лидер. Им все восхищались — тому, как он сохранился, каким прекрасным отцом и мужем он показал себя, какая у него нужная профессия.

Он не всегда выглядел столь значимо; раньше, сорок шесть лет назад, он терялся, заслоненный фигурами других мужчин его семьи — во-первых, главным тогда

являлся Петр Дельмас, отец Николая и Артура, известный архитектор. Потомственный. Собственно, история Дельмасов в России началась с их предка, тоже архитектора, француза — Жана-Батиста Дельмаса, похороненного на Введенском кладбище Москвы в семейном склепе еще в девятнадцатом веке. Ну а во-вторых, тогда, сорок шесть лет назад, еще был жив старший брат Николая — Артур. Гений, учившийся на последнем курсе Бауманки. Красавец и однолюб. Нелепо погибший из-за рыжеволосой девы по имени Валерия.

Я ее, оказывается, смутно помнила. Такая... яркая и смелая девушка. С громким смехом, решительная. Интересно, что с ней стало потом? И можно ли было как-то спасти Артура тогда?

Я ведь правда была в него влюблена. С раннего детства. А в десятом классе он мне, юной, семнадцатилетней, вообще казался каким-то неземным недоступным существом.

В семидесятые парни ходили с длинными волосами, была такая мода. Не слишком одобряемая, неприемлемая для некоторых профессий и некоторых мест, для определенных территорий, но к этой «патлатости», в отличие от более «строгих» шестидесятых, население уже привыкло. Тем более в таком большом городе, как Москва. Сейчас, наверное, Артур смотрелся бы фриком — с этой его гривой волос, штанами клеш и в батнике с огромным воротником. Но тогда подобный образ шел на «ура» у молодежи.

На меня Артур не обращал внимания — я выглядела стеснительной книжной девочкой. Одеваться я не осо-

бо умела, да и сложно было тогда с одеждой, красивую приходилось специально «доставать», а это столько усилий, да ну; с волосами я тоже ничего не делала, меня стригла мама по своему вкусу.

Как и большинство книжных девочек, с людьми я тоже не умела общаться. Одним я, думаю, казалась слишком пресной, другие мною либо пользовались в своих интересах, либо отыгрывались на мне. Наверное, я была чем-то похожа на героиню фильма «Влюблен по собственному желанию», только не такая пухлая и не такая решительная, я — больше ленивая мямля. Жизнь у меня не задалась, это я честно признаю, и к своим шестидесяти трем годам я ничего не накопила в прямом и переносном смысле. У меня не было ни семьи, ни детей, ни больших вкладов в банке. Мама умерла десять лет назад, другая родня отсутствовала.

Я и не изменилась особо с годами, мне кажется. Осталась все такой же скучной, одинокой, ленивой и тревожной. Не девочкой, но уже тетушкой, которая все свободное время посвящала чтению книг.

Собственно, именно поэтому я и помнила об Артуре все эти годы. Просто потому, что ничего более яркого, чем эта юношеская любовь, в моей жизни и не случилось.

Бывший муж Гена не в счет, он тоже мной пользовался, вернее, моей жилплощадью. Когда Гена нашел более обеспеченную женщину, согласную его содержать и тоже давать ему кров, то муж быстренько покинул меня. Мы развелись, и я незамедлительно поменяла свою фамилию на девичью — Кирюшина, не хотела никакого напоминания о нем.

...Вечером нас, гостей, развезли по домам все на той же «Газели», по дороге мы дружно восхищались Дель-масами и много смеялись.

Но дома, в своей квартире, оставшись одна, я почувствовала себя совсем разбитой. Вот что значит не приняла вовремя таблетки. Я человек мнительный, старалась придерживаться распорядка, и любое его смещение вызывало у меня панику. Наверное, надо не забывать брать с собой лекарства, чтобы не отклоняться ни на час от режима.

Ночью мне приснился Артур, каким я его помнила. И я во сне была тоже молодая и почему-то красивая. Мы с Артуром гуляли по городу. Как будто лето — июль, скорее всего. Светило солнце, все дышало счастьем и красотой, а потом пошел дождь — «грибной», — когда одновременно светит солнце и идет дождь. Настоящий июльский дождь, теплый и ласковый. В моем сне отчетливо пахло мокрым асфальтом. Запах земли или асфальта под дождем называется «петрикор», вспомнила я во сне мудреный термин. Мне приснился запах дождя, как странно...

Я проснулась в четыре утра от ужасного сердцебиения, приняла очередную порцию таблеток, в этот раз тех, которые мне прописал кардиолог. Кажется, и давление тоже поднялось? А вдруг я сейчас умру от инфаркта или инсульта? Надо срочно померить давление...

Если я сейчас умру, то мой труп найдут не сразу. Собственно, почему пожилые люди так часто звонят в скорую без особых причин? Потому что страшатся смерти в одиночестве.

Нет, я совсем не старушка, в моем возрасте люди еще о-го-го, но не все, а лишь отдельные счастливики с хорошей генетикой и следящие за своим здоровьем. Ну и еще повезло тем, у кого есть деньги на врачей. Большие деньги, уточню.

Снова заснуть я так и не смогла, принялась читать книгу. Я последние несколько лет перешла на чтение на ридере, иначе бы разорилась, бумажные книги стали дороги, да и негде уже их было складывать.

В десять утра раздался звонок, на экране телефона высветилось имя — Николай Дельмас.

— Алло, Коля, привет, — вяло отозвалась я и дежурно зачастила: — Все хорошо, добралась вчера нормально. Спасибо за вечер, такой чудесный, огромное спасибо Ната...

— Алена... — перебил меня Николай. — Алена, ты не спишь уже? Сейчас я подъеду к тебе. Срочно. Очень важный разговор.

— Ты меня пугаешь, — с тоской призналась я. Прислушалась к сердцу — да, оно опять забилось сильнее обычного.

— Потом... Я приеду и все объясню. Но это очень важно, ты обязана меня выслушать.

С этими словами Николай завершил звонок.

Я некоторое время лежала в мучительной задумчивости, положив ридер себе на грудь, затем заставила себя встать. Умылась, причесалась, приготовила завтрак — подогрела в микроволновке вчерашние сырники. Заварила цикорий с молоком; на чашку напитка из цикория — одна маленькая ложка сахара.

За завтраком опять читала по привычке и даже забыла, что жду гостя. Вздрогнула от звонка домофона, не сразу вспомнила, что к чему.

— Да? — сорвала я трубку переговорного устройства.

— Алена, это я, открывай, — услышала я голос Николая. — Какой у тебя этаж?

— Пятый. Открываю.

Через минуту Николай уже заходил ко мне в прихожую в красивом современном пальто из непромокаемой ткани. Это пальто его очень молодило, надо признать.

— Здравствуй, Алена, — быстро поцеловал он меня в щеку. — Там то ли дождь, то ли снег на улице... Все в грязи. Есть что на ноги надеть, тапочки какие-нибудь?

— Ой...

— Ничего, понял, я в носках. — Николай скинул ботинки, свое шикарное пальто небрежно бросил на стул в прихожей. — Куда идти?

Мы расположились на кухне, я предложила напиток из цикория Николаю, он согласился. Пока готовила, все хотела спросить, знает ли его жена Наташа, что он поехал ко мне домой, не будет ли она его ко мне ревновать. Но это было так глупо, что я молчала.

— Алена, ты бы хотела вернуться в прошлое? — вдруг спросил мой гость.

— Не знаю, — подумав, ответила я. — Это же невозможно.

— Ладно, переформулирую вопрос. Ты бы хотела вернуться в прошлое — молодой и начать все заново?

— Это невозможно, — повторила я.

— Ну допустим! Теоретически! — настаивал Николай. — Хотела бы?

— Ну-у, да-а... — Я протянула ему кружку. — Держи.

— Спасибо. — Он отпил из кружки. — Мм, а вкусно... Короче, а если я тебе это все смогу устроить? Возвращение в прошлое?

— Как? — удивилась я. Мне не хотелось думать, что Николай сошел с ума. Наверное, он просто шутит. Дурачится...

— Не пугайся, я не сошел с ума, — словно услышав мои мысли, поспешно сказал Николай. — Если помнишь, мой брат Артур учился на энергетическом факультете Бауманского университета. Вернее, тогда еще — МВТУ, наша альма-матер называлась техническим училищем, но не суть важно... Артур занимался исследованием солнечной энергии.

— Я в это не вникала, — растерянно ответила я.

Николай энергично продолжил:

— Ты в курсе, что на Солнце постоянно происходят вспышки плазмы? Солнечный ветер — это потоки плазмы, которые исходят от светила... Казалось бы, с ним все понятно — заряженные частицы преодолевают сопротивление звезды и разлетаются во все стороны, а примерно через сутки они достигают земной поверхности. И вот тут начинается странное! Пролетев почти сто пятьдесят миллионов километров, заряженные частицы должны остыть, так ты думаешь, да? Но это только в теории. На практике же они почти не остывают, понимаешь?! А излучение неравномерно, более быстрый поток солнечного ветра догоняет медленный, они сталки-

ваются и в определенной точке вообще высвобождают огромное количество энергии. У нас под носом источник энергии невероятной силы! И что мы можем? Мы можем только измерить плотность солнечного потока. Мы можем узнать о приближении магнитных бурь...

— У меня, когда магнитные бури, голова болит, — пробилась я сквозь речь Николая.

Но он меня словно не слышал:

— А ты в курсе, что снаружи Солнце в двести раз горячее, чем внутри? Это противоречит основным законам физики! Ну как это тебе объяснить попроще... Все мы знаем, что горячая каша холоднее у края тарелки, да? Значит, и Солнце должно быть горячее внутри, чем снаружи. А на деле все наоборот, но почему? Только недавно астрофизики выяснили, что на поверхности Солнца есть быстро движущиеся магнитные волны. Они-то и разогревают края светила. И именно эти волны генерируют огромное количество энергии. От этого греется корона — верхние слои Солнца. Но главная тайна Солнца — его ядро. Ученые давно предполагали, что в нем может быть сконцентрирована темная материя — загадочная субстанция, из которой состоит большая часть массы космоса. Темную материю открыли еще в начале двадцатого века. Вернее, вычислили, а вот уловить таинственное вещество никому еще не удавалось!

— Понятно, — вырвалось у меня.

Николай посмотрел на меня внимательно, выдохнул и попытожил уже спокойнее:

— Короче, ты ничего не поняла. Попытаюсь простыми словами... Помнишь старый черно-белый фильм

«Весна»? Там играет Любовь Орлова, Фаина Раневская еще... Эффектная и строгая ученая работает в институте Солнца, расположенном в фантастическом сферическом здании, где она и другие советские деятели науки занимаются поиском нового вида возобновляемого топлива... Ну, короче, если бы Артур был жив, то на основе его исследований тоже открыли бы особый институт Солнца и стали бы добывать энергию светила. И заодно бы разобрались с темной материей. То есть это было бы комплексное грандиозное исследование Солнца, и мы бы обладали источником энергии почище всех электростанций, вместе взятых...

— Но и сейчас есть солнечные батареи, — решила я возразить.

— Да, но тот способ добычи энергии Солнца, что существует сейчас, — как бы слишком сложный, дорогой и не очень эффективный. У Артура имелось свое ноу-хау, современные солнечные батареи и в подметки не годились бы его изобретению.

— Институт Солнца — это фантастика? — уже с интересом спросила я.

— Нет, подобные институты существуют, пусть их и немного... В Иркутске есть Институт солнечно-земной физики, например. В Ташкенте, это Узбекистан, — есть так называемый Гелиокомплекс «Солнце», он же Физико-технический институт, его организовали во времена СССР в 1943 году на базе Физико-технической лаборатории, существовавшей в Ташкенте с 1940 года. Это невероятное сооружение, выглядит фантастически, туда экскурсии ездят. В 1948 году ученым Азимо-

вым в институте была основана лаборатория космических лучей, положившая начало работам в области физики высоких энергий в Узбекистане. Если бы не распад СССР... — Николай не договорил, махнул рукой. — А во Франции есть Одейлийская солнечная печь — тоже своего рода институт Солнца. Подобных вычурных, необычных внешне сооружений в мире всего два, одно во Франции, второе в Узбекистане. Короче, все эти институты — у нас в Иркутске, и в Узбекистане, и во Франции — изучают влияние солнечного излучения на климат Земли, на человека и среду его обитания.

— Понятно, — скромно произнесла я.

— Ох... ладно. Я слишком увлекся. Но если бы Артур был жив... и у него все бы получилось с исследованиями, то мы бы, наша страна, сейчас жили лучше всех в мире, — усмехнулся Николай. — Ты понимаешь, источник энергии и еще вдобавок темной материи — он совсем рядом. Это наше Солнце. Так вот про темную материю. Время от времени Солнце излучает немного больше нейтрино от аннигиляции темной материи, идущей из центра самого Солнца.

— Так, запуталась... — призналась я.

— Все, не грузу, — помахал перед лицом ладонью Николай. — Но я еще не сказал тебе главное. Если бы Артур разработал устройство, которое в состоянии поймать неуловимую темную материю из центра Солнца... то мой брат был бы в шаге от того, чтобы проникнуть в пятое измерение. И... люди могли бы путешествовать во времени!

Я молчала. Ну я просто не знала, что сказать, что спросить... В принципе, я верила в то, что Артур работал над чем-то таким сенсационным, я, как страстный книголюб, читала и истории о путешествиях во времени тоже...

— Артур изобрел машину времени? — наконец выдавила я.

— Да. Нет. Вернее, почти изобрел. Если бы он не погиб, то довел бы свои исследования до конца. Но он не успел. И я всю жизнь, последние сорок шесть лет, пытался разобраться и довести до логического конца все его наработки. С вопросом солнечной энергии я не особо разобрался, скажу честно, а вот с устройством, которое ловит темную материю из центра Солнца и дает возможность путешествовать во времени я справился. Ну, как справился... Я сделал это устройство, но еще не проверял возможности своего изобретения.

— Зачем ты мне это рассказываешь? — удивилась я. — Запатентуй свое открытие, напиши исследование, монографию, ну, чего там ученые делают... И именно тебе дадут Нобелевку, я уверена. Если все подтвердится, конечно.

Николай сморщился, замахал руками:

— Мне не нужны ни деньги, ни слава... Про Нобелевку вообще нет смысла говорить. Я хочу спасти брата. Если бы Артур был жив, он бы совершил гораздо больше открытий и научных прорывов. И вообще... мои родители не умерли бы раньше срока. Артур погиб — и это очень ударило по нашей семье. Маму это ужасное событие буквально подкосило, она умерла, отец ушел из жизни за ней следом.